

УДК 1:316:004.6(045)

*С.И. Платонова***БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ**

Технологические открытия и распространение цифровых технологий требуют от обществоведов пересмотра базовых философских представлений о мире, обществе, человеке. Особенно актуальными в цифровом обществе становятся вопросы, связанные с сохранением свободы, защиты частной жизни и приватности человека. В статье рассматриваются большие данные как инструмент социального контроля, надзора и как средство прогнозирования поведения индивидов. С помощью больших данных крупные платформенные компании могут формировать основные ценности, культурные коды и потребительское поведение пользователей. Рассматривается эволюция моделей социального контроля: паноптикон, синоптикон, суперпаноптикон. Если паноптикон характеризуется дисциплинарной властью, то цифровое общество, использующее неструктурированные большие данные, характеризуется инструментальной властью. Анализируется теория «надзорного капитализма» Ш. Зубофф и выделяются две особенности «надзорного капитализма»: извлечение прибыли и прогнозирование поведения пользователей. В завершение, рассмотрев основные модели социального контроля, автор выделяет особенности социального контроля в цифровом обществе. Социальный контроль становится более тонким, латентным, тотальным и безразличным по отношению к человеку. Развивается суперпаноптикон как социальная модель, связанная с всеобщим наблюдением на основании больших данных.

Ключевые слова: большие данные, социальный контроль, «надзорный капитализм», паноптикон, инструментальная власть.

DOI: 10.35634/2412-9550-2022-32-3-228-234

Введение

Важной характеристикой современного общества является активное использование информационных, цифровых технологий, включая большие данные и их аналитику. Мы живем в условиях цифрового общества: цифровизация и большие данные используются практически во всех основных сферах общества, включая работу государственных органов (например, создание электронного правительства), социальных институтов, правозащитную деятельность, научные исследования.

Отношение к большим данным меняется. В начале XXI в. ученые говорили об эпистемологической революции в науке, связанной с тем, что данные «могут говорить сами за себя» и, следовательно, отпадает потребность в теоретических схемах, моделях, дедуктивных построениях [17]. Социологи довольно оптимистично заявляли о возможностях, которые приносят массовые социологические опросы, в которых участвуют тысячи респондентов, и число потенциальных участников в принципе неограниченно [18]. Существует большое количество дискуссий, в которых рассматриваются эпистемологические, методологические, онтологические вызовы, связанные с использованием big data [5; 11; 21]. В последнее время к указанным выше вызовам добавляются угрозы, исходящие от больших данных, связанные с тотальными технологиями наблюдения и контроля над поведением индивидов. Некоторые авторы говорят о цифровой диктатуре и создании полицейского государства [9, с. 119], об угрозе возникновения «киберфашизма» [22]. В статье я рассмотрю, действительно ли большие данные становятся новым инструментом контроля, и каковы особенности социального контроля в цифровом обществе.

Большие данные: риски и перспективы для общества

Большие данные генерируются не только в научных интересах. Они создаются также государственными органами и крупными коммерческими компаниями, платформами (например, Facebook, Airbnb, Google, Amazon, Uber). Что такое платформенные компании? Прежде всего, это новый тип фирмы, основной целью которой является получение прибыли. «Платформы – это цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать. Например, поисковая система Google предоставляет площадку (платформу) рекламодателям и поставщикам контента, выводя их на целевую аудиторию, ищущую определенную информацию» [14, с. 41–42].

Генерировать большие данные способны не все участники рынка, а только самые крупные компании. «Лишь 15 процентов из пятисот крупнейших мировых компаний имели возможность использовать преимущества больших данных к концу 2015 г.» [6, с. 119]. Для платформенных компаний большие данные являются сырьем, подлежащим извлечению, анализу и использованию для получения прибыли. Если генерирование и аналитика больших данных – это главный источник дохода для этих компаний, то становится понятным, что сбор все большего и большего количества данных является для компаний жизненно важным. «Интернет поощряет ситуацию, когда привлечение новых членов той или иной группы вознаграждается; большинство онлайн-пространств ориентировано на вознаграждение. Наибольшее напряжение в США вызывает то, что все современные платформы мегакорпораций монополизируют, идеологизируют и используют свою «рыночную» силу для внедрения в личную жизнь» [13, с. 5–6]. Подчеркивается, что, с одной стороны, можно говорить об асоциальности, формировании герметичных позиций и делении пользователей на «свой-чужой», с другой стороны, мы наблюдаем формирование институционально-принудительной «сверхсоциальности» [Там же, с. 5–6].

Социальные риски использования больших данных могут быть связаны, например, «с практикой объединения источников анкетных данных», которая «может открыть доступ к очень личной и деликатной информации. Точно так же существующая сегодня тенденция предлагать клиентам персонализированные продукты и услуги, основанные на анализе больших данных, ставит много вопросов, связанных с частной жизнью, «кражей личности», незаконной дискриминацией, несправедливой классификацией и даже «эксплуатацией уязвимых» [12, с. 93].

Если в XX в. массовые социологические опросы и изучение общественного мнения были делом профессиональных социологов, то сейчас благодаря цифровым технологиям и большим данным информация об индивидах могут собирать компании и государственные структуры. Чем больше данных имеет компания, тем легче осуществлять социальный контроль над пользователями. Крупные платформенные компании могут формировать потребительское поведение, спрос, определенную систему ценностей, вводить системы тотального учета и контроля. «Интерфейс цифровой платформы воплощает в себе своего рода онтологию: он определяет, что есть, а что нет. То, как будет действовать пользователь, зависит от возможностей и взглядов на мир, которые предоставляет платформа, а также от деталей того, как они реализованы» [23].

С 2014 г. в Китае действует Программа создания системы социального кредита, которая позволяет открыть счет с определенной суммой баллов любому гражданину или организации. Эти баллы могут увеличиваться или уменьшаться в зависимости от поведения. Например, высокий балл позволяет индивиду претендовать на более престижную работу, иметь определенные льготы, выезжать за границу. Низкие баллы ограничивают гражданам возможность поиска высокооплачиваемой работы, лишают возможности поступления в вузы, получения кредитов, посещения дорогих ресторанов и т. п. Так складывается социальный рейтинг, «представляющий систему государственного поощрения и наказания каждого лица (как физического, так и юридического), использующий для реализации инструменты больших данных» [9, с. 118].

Китайская система социального кредитования оценивается по-разному. Некоторые исследователи полагают, что для Китая это вполне работающая модель, «основанная на коллективном труде, служении общественным интересам и попечительстве. <...> Модель является альтернативной, созданной в противовес рыночно-либеральной модели индустриальных обществ» [3, с. 115–116]. При этом «внедрение института социального кредитования в европейские государства столкнется с определенными трудностями, связанными с европоцентричной культурой и ценностями либерально-рыночных отношений» [Там же, с. 119]. Можно согласиться с научной позицией авторов данной статьи, что «китайская система кредитования – это элемент цифрового будущего» [Там же, с. 116].

Несмотря на критическое отношение европейской общественности к китайской модели социального кредитования, ее элементы уже сейчас функционируют в некоторых странах. Например, в России систему социального рейтинга развивают частные банковские компании (СБЕР, ВТБ и др.), которые уже сейчас используют балльную систему для оценки потенциального потребителя своих услуг [9, с. 120].

В своей недавней статье В.В. Миронов рассмотрел два варианта тоталитарности [10]. С одной стороны, «тоталитарность может проявляться прямо – в форме контроля за оцифрованными данными всех пользователей, и тогда перед нами маячит вариант фашистских концлагерей, но на новой техно-

логической базе. А возможен вариант тоталитаризма нового типа, когда при внешне демократическом фоне коммуникации ее субъект, ощущая себя свободным в своем волеизъявлении или изложении мыслей в тех же социальных сетях, просто не будет осознавать степень манипуляции своим сознанием» [Там же, с. 6]. Меняется способ, каким осуществляется социальное давление и социальный контроль. Социальный контроль осуществляется не только сверху-вниз, от власти и социальных институтов, но и снизу-вверх, более тонко и латентно, как бы подталкивая миллионы пользователей к определенной модели поведения и создавая при этом иллюзию индивидуальной свободы и выбора. Пользователи зачастую сами предоставляют такую возможность контроля, размещая в Интернете приватную информацию, которая может быть использована против них.

Большие данные трансформируют коммуникацию социальных акторов, условия, возможности и цели коммуникации [10; 16]. Здесь можно выделить три момента. Во-первых, социальная жизнь становится более кодированной, просчитываемой, т. к. можно легко увидеть количество лайков, смайликов за тот или иной пост. Во-вторых, поведение людей становится реактивным, используются символы, картинки, не требующие длительных раздумий и рефлексии. Поэтому «на поиск истины в споре уже никто не ориентируется» [16, с. 409]. В-третьих, цифровая коммуникация ведет к смешению реальной и виртуальной жизни, подчас выдавая виртуальное общение за подлинное, виртуальную реальность за подлинную реальность, а имитацию, квазисобытие за подлинное событие.

Социальный контроль и власть в цифровом обществе

Профессор факультета права Гарвардского университета Ш. Зубофф складывающуюся ситуацию определяет как «надзорный капитализм» [7]. В 2019 г. Ш. Зубофф выпустила книгу «Эпоха надзорного капитализма», в которой подробно описала историю возникновения капитализма нового типа, его сущность, характеристики, практики. Она считает, что «надзорный капитализм» был изобретен топ-менеджментом компании Google в 2001 г. в ситуации финансового кризиса и поиска новых путей монетизации. «Надзорный капитализм является вышедшей из-под контроля силой, движимой новыми экономическими императивами, которые игнорируют социальные нормы и сводят на нет элементарные права, связанные с индивидуальной автономией» [Там же, с. 22].

Надзорный капитализм связан с большими данными, которые являются сырьем. Машинный интеллект извлекает и анализирует данные, в результате аналитики данных делается прогноз поведения индивида, затем эти прогнозы продаются рекламным компаниям и конструируют дальнейшее поведение. Основные тезисы «надзорного капитализма» – это извлечение данных и прогнозирование поведения. «Надзорный капитализм – это кукловод, который навязывает людям свою волю с помощью повсеместного цифрового аппарата» [Там же, с. 490].

Для объяснения сущности надзорного капитализма Ш. Зубофф вводит такие понятия как «ответственность на средства изменения поведения», «выхлоп данных», «поведенческий излишек», «Большой Другой», «инструментарная власть». Например, «Большой Другой» определяется автором как «вычисляющая, подключенная к сети марионетка, которая оцифровывает, отслеживает, вычисляет и изменяет поведение человека», <...> как «всепроницающее и беспрецедентное средство модификации поведения» [Там же, с. 490]. Так возникает инструментарная власть, «заменяющая инженерию душ инженерией поведения» [Там же, с. 490]. Инструментарная власть является безразличной по отношению к человеку. Люди – всего лишь организмы, демонстрирующие поведение, а «человеческий опыт сводится к измеримому и наблюдаемому поведению» [Там же, с. 490].

Не случайно Ш. Зубофф сравнивает безразличную универсальную природу надзорного капитализма с радикальным бихевиоризмом, т. к. в обеих моделях человек рассматривается всего лишь как организм, демонстрирующий определенное поведение, как некий объект наблюдения. «Большому другому нет дела до того, что мы думаем, чувствуем или делаем, до тех пор пока миллионы <...> его <...> компьютерных глаз и ушей могут наблюдать, оцифровывать, датафицировать и инструментализировать бездонные резервуары поведенческого излишка...» [Там же, с. 491]. Следовательно, «надзорные капиталисты знают все о нас, в то время как их работа построена так, чтобы оставаться неведомой для нас. Они накапливают огромные пласты новых знаний, полученных из нас, но делают это не для нас» [Там же, с. 21].

Таким образом, большие данные могут использоваться крупными компаниями для отслеживания наших запросов, привычек, предпочтений и формирования на этой основе потребительского спроса, поведения, а в дальнейшем, ценностей и смыслов. Предсказание поведения индивидов связа-

но, в том числе и с развитием количества и качества источников данных (например, система «умный дом»), позволяющих получать более точную информацию о поведении и тем самым контролировать повседневную жизнь.

В цифровом обществе контроль над поведением индивидов усиливается и приобретает новые черты. Власть эволюционирует: если М. Фуко говорит о дисциплинарной власти [15], то Ш. Зубофф постулирует инструментарную власть. Дисциплинарная власть требовала от человека послушания, дисциплины, устраняла различия, любое разнообразие между людьми. Промышленные предприятия и массовые армии – главные примеры дисциплинарных институтов Нового времени. Инструментарная власть равнодушна к различиям между людьми, нашим желаниям, смыслом и ценностям. «Инструментарная власть заботится только о том, чтобы все, что мы делаем, было доступно для проводимых ею <...> операций по оцифровке, вычислению, модификации, монетизации и контролю» [7, с. 470]. Если дисциплинарная власть старалась, чтобы никто не вырвался из охраняемого пространства, то инструментарная власть предлагает индивидам большую свободу в обмен на информацию.

В цифровом обществе меняется и сам индивид: он не только становится публичным, но и является главным агентом наблюдения за самим собой [4, с. 22–24]. В. И. Дудина отмечает, что «в цифровой реальности сама возможность наблюдения актуализируется только при условии совершения наблюдаемыми определенных действий. Например, они должны зарегистрироваться в социальной сети, осуществить покупку по банковской карточке. <...> Наблюдаемость приобретает дисперсный, "капиллярный" характер, она реализуется через микропрактики наблюдения, в создании которых участвуют сами наблюдаемые» [Там же, с. 22].

Итак, инструментарная власть, идущая на смену дисциплинарной власти, имеет следующие особенности:

- рассматривает индивидов как объекты наблюдения;
- имеет глобальный, а не локальный характер;
- способствует сохранению различий между людьми;
- предоставляет свободу индивидам в обмен на предоставление личной информации об индивидах.

Сравним модели власти и контроля, одна из которых предложена английским философом И. Бентамом, и существующие современные модели, описывающие цифровое общество и цифровые методы наблюдения. Известно, что Иеремия Бентам предложил проект идеальной тюрьмы – «паноптикон», подробно рассмотренный М. Фуко [15] и, по сути, ставший в философии метафорой. Паноптикон представляет здание в форме кольца, в центре которого расположена башня. «В башне – широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. <...> Достаточно поместить в центральную башню одного надзирателя, а в каждую камеру посадить по одному ... осужденному» [15, с. 243]. Осужденный остается одиноким и постоянно видимым, в то время как надзиратель может наблюдать за каждым заключенным и при этом оставаться невидимым. Паноптикон – это организация контроля и власти, в которой меньшинство (в идеале один человек) может наблюдать за большинством. Паноптикон не глобален, не универсален, он локален и может использоваться в определенной местности.

«Единственной объединяющей чертой паноптикона является универсальное человеческое предпочтение удовольствия перед болью» [2, с. 36]. В этой модели, как справедливо отмечает британский философ и социолог Зигмунт Бауман, отсутствуют черты морального воспитания, культурной интеграции, консенсуса, пакет ценностей. Паноптикон Бентама – «это сконструированный проект, изобретенный, спланированный продукт. Политики – это строители, работающие по его чертежам. Как только постройка завершена, ни интеллектуал-архитектор, ни политики уже не нужны» [Там же, с. 42–43].

В последнее время ряд авторов предлагает заменить модель паноптикона другими моделями наблюдения, связанными с развитием средств массовой информации. Речь идет о синоптиконе. Понятие «синоптикон» предложил норвежский социолог Томас Матисен в 1997 г. [19]. Синоптикон – это ситуация, когда «большинство наблюдает за меньшинством». С точки зрения Т. Матисена, с начала XIX века наряду с паноптическими процессами одновременно развиваются синоптические процессы. Т. Матисен сравнивает паноптикон и синоптикон, показывая, что самоконтроль и самодисциплина современных индивидов соответствуют больше модели синоптикона, нежели паноптикону, описанному М. Фуко [Там же]. М. Фуко, рассматривая механизм паноптикона, не учел параллельное развитие в обществе других процессов, связанных с наблюдением большинства за меньшинством.

3. Бауман также говорит о недостаточности модели паноптикона, утверждая, что параллельно и одновременно с паноптиконом развивается синоптикон [1, с. 77–78]. Синоптикон не имеет территориальных границ благодаря развитию СМИ и телевидения. «Синоптикон» по определению имеет глобальный характер: в ходе наблюдения наблюдатели «отрываются» от своей местности – переносятся, хотя бы мысленно, в киберпространство, где расстояние уже не имеет значения, даже если физически они остаются на месте. Уже не важно, перемещаются ли объекты действия синоптикона, превращенные теперь из наблюдаемых в наблюдателей, или нет. Где бы они ни были, и куда бы ни направились, у них есть возможность и желание подключиться к экстерриториальной сети, позволяющей большинству наблюдать за меньшинством. Паноптикон насильно создавал ситуацию, когда за людьми можно было наблюдать. Синоптикону принуждать никого не нужно – он действует методом соблазна. При этом меньшинство, за которым наблюдают, проходит строгий отбор» [Там же, с. 77–78].

Таким образом, ситуация переворачивается: если в модели паноптикона меньшинство (потенциально даже один человек) могло наблюдать за большинством, то в синоптиконе большинство наблюдает за меньшинством, осуществляя процесс наблюдения добровольно. Синоптикон создал людей, которые контролируют себя посредством самоконтроля, чтобы аккуратно вписаться в капиталистическое общество, моделируя себя в соответствии с телевизионными идеалами. Послушание осуществляется не благодаря принуждению, а благодаря оболваниванию.

Кто формирует смыслы и ценности, кто осуществляет социальный контроль в современном цифровом обществе, где нет единого контролирующего и надзирающего центра? Мы полагаем, что в цифровом обществе функции архитекторов норм и ценностей выполняют крупные корпорации, осторожно формируя смыслы и культурные коды, как бы подталкивая потребителя к определенной модели поведения. У индивидов появляется ощущение свободы выбора, передвижений, полноты информации, выстраивания жизненных стратегий. Однако эти ощущения иллюзорны, а индивиды еще больше подпадают под власть и контроль государства, крупных корпораций и компаний. Свобода становится еще более иллюзорной, хотя у индивидов есть иллюзия этой ценности.

Американский философ Марк Постер предложил понятие «суперпаноптикон» [20] как обновленную версию паноптикона в условиях распространения цифровых технологий. Суперпаноптикон, в отличие от паноптикона, является механизмом, который пытается полностью контролировать социальные практики индивидов и их частную жизнь. Суперпаноптикон имеет тотальный характер. И, что особенно важно, «наблюдаемые, предоставляющие данные для хранения, являются главным фактором в процессе наблюдения, и играют эту роль добровольно» [1, с. 74].

Модели послушания, действующие в суперпаноптиконе, коррелируют с типами власти, описанными М. Кастельсом: например, сетевая власть способна «закрывать доступ тем индивидам, кто не прибавляет ценности сети или подвергает опасности интересы, которые доминируют в программах этой сети» [8, с. 89]. Об этом же размышляет З. Бауман, обращая внимание на то, что «главными создателями и пользователями баз данных являются кредитные и маркетинговые компании, и их главная задача – с помощью вносимой туда информации подтвердить, что люди, о которых эти данные собираются, "заслуживают доверия": они надежные клиенты и имеют возможность выбора, а те, кто этой возможности не имеют, отсеиваются заранее, чтобы избежать убытков и ненужной затраты ресурсов» [1, с. 76].

В целом, по нашему мнению, для концептуализации особенностей социального контроля в цифровом обществе может быть использовано понятие «суперпаноптикон». Мы видим, что с развитием цифровых технологий, цифрового общества контроль над пользователями усиливается и исходит не только со стороны государственных органов, но и со стороны крупных платформенных компаний.

Выводы

Итак, каковы особенности цифрового социального контроля, основанного на аналитике больших данных?

1. Социальный контроль является объективированным и безразличным по отношению к человеку, собирая любые данные о человеке.

2. Социальный контроль носит тотальный характер, не оставляя за индивидами права на частную жизнь, т. к. их поведение, покупки, любые действия отслеживаются в виртуальной среде и сохраняются в виде больших данных.

3. Социальный контроль позволяет создавать индивидуальные «профили» пользователей, разделяя и отсеивая надежных, заслуживающих доверия, и ненадежных клиентов.

4. Социальный контроль осуществляется как со стороны частных компаний, так и со стороны государства.

5. Индивиды являются важным фактором социального контроля, предоставляя добровольно персональные данные и информацию о самих себе.

В дальнейшем цифровой контроль и прогнозирование поведения индивидов будут, видимо, усиливаться. Поэтому важной задачей является осмысление и проблематизация уже существующих и потенциальных угроз. Данная задача носит междисциплинарный характер и должна выполняться во взаимодействии с представителями как разных социально-гуманитарных наук, так и с представителями государственной власти и частных компаний.

Таким образом, большие данные, которые поначалу были встречены восторженно как учеными, так и политиками, в последнее время стали вызывать больше тревожных вопросов и опасений, значимость которых еще не до конца понятна. Активное использование больших данных ставит вопросы правового, этического порядка, защиты частной жизни и приватности индивидов. Уже сейчас очевидно, что большие данные меняют социальный порядок, устанавливая более тонкие, латентные формы социального контроля, формируя у индивидов иллюзию свободы, которая на самом деле становится более ограниченной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
2. Бауман З. Свобода / пер. с англ. Г.М. Дашевского, предисл. Ю.А. Левады. М.: Новое издательство, 2006. 132 с.
3. Галиуллина С.Д., Бреслер М.Г., Сулейманов А.Р., Рабогошвили А.А., Байрамгулова Н.Н. Система социального кредитования в Китае как элемент цифрового будущего // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2018. № 4 (26). С. 114–121.
4. Дудина В.И. От Паноптикона к панспектрону: цифровые данные и трансформация режимов наблюдения // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 17–26.
5. Журавлева Е.А. Вызовы технологий «больших данных» для современных социогуманитарных наук // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 50–59.
6. Захаров Т.В. Правовые проблемы оборота больших данных в условиях цифровой экономики // Большие данные в социальных и гуманитарных науках: сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. Е.Г. Гребенщикова. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 116–128.
7. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А.Ф. Васильева; Под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. Москва: Издательство Института Гайдара, 2020. 784 с.
8. Кастельс М. Власть коммуникации: учебное пособие / пер. с англ. Н.М. Тылевич; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А.А. Архиповой; под науч. ред. А.И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 591 с.
9. Любашиц В.Я., Осинский А.С. Перспективы и риски применения социального рейтинга в условиях цифровой экономики России // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11 (191). С. 118–120.
10. Миронов В.В. Платон и современная пещера big-data // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, вып. 1. С. 4–24.
11. Платонова С.И. Четвертая парадигма научных исследований и социогуманитарные науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 3. С. 7–24.
12. Пястолов С.М. Экономические и социальные ценности, риски и организационные парадоксы больших данных. (Обзор) // Большие данные в социальных и гуманитарных науках: сб. обзоров и рефератов; отв. ред. Е.Г. Гребенщикова. Москва: ИНИОН РАН, 2019. С. 85–95.
13. Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 3–12.
14. Срничек Н. Капитализм платформ / Пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.
15. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 384 с.
16. Фролова С.М., Листвина Е.В. Культура в эпоху цифровизации: социально-философское осмысление // Изв. Сарат. у-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 408–412.
17. Anderson C. The end of theory: The data deluge makes the scientific method obsolete // Wired. URL: <https://www.wired.com/2008/06/pb-theory/> (дата обращения: 06.06.2022).

18. Burrows R., Savage M. After the crisis? Big Data and the methodological challenges of empirical sociology // *Big Data & Society*. 2014. № 1 (1). Pp. 1–6.
19. Mathiesen T. The Viewer Society: Michel Foucault's 'Panopticon' Revisited // *Theoretical Criminology*. 1997. № 1 (2). Pp. 215–234. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1362480697001002003> (дата обращения: 06.06.2022).
20. Poster M. *The second media age*. Cambridge: Polity Press, 1995. 200 p.
21. Resnyansky L. Conceptual frameworks for social and cultural Big Data analytics: Answering the epistemological challenges // *Big Data & Society*. 2019. № 6 (1). Pp. 1–12.
22. Snyder T. *On Tyranny: Twenty lessons from the Twentieth Century*. NY: Tim Duggan Books, 2017. 128 p.
23. Törnberg P., Uitermark J. Complex Control and the Governmentality of Digital Platforms // *Frontiers Sustainable Cities*. 2020. Pp. 2–6. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/frsc.2020.00006/full> (дата обращения: 06.06.2022).

Поступила в редакцию 07.06.2022

Платонова Светлана Ипатовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия»
426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, 11
E-mail: platon-s@bk.ru

S.I. Platonova

BIG DATA AND SOCIAL CONTROL IN EVERYDAY LIFE

DOI: 10.35634/2412-9550-2022-32-3-228-234

Technological discoveries and the spread of digital technologies require social scientists to revise basic philosophical ideas about the world, society, and man. Issues related to the preservation of freedom, protection of private life and privacy of a person are becoming especially relevant in the digital society. The article considers big data as a tool of social control, supervision and as a means of predicting the behavior of individuals. With the help of big data, large platform companies can shape the core values, cultural codes and consumer behavior of users. The evolution of models of social control is considered: panopticon, synopticon, superpanopticon. While the panopticon is characterized by disciplinary power, the digital society that uses unstructured big data is characterized by instrumental power. The theory of "supervisory capitalism" by S. Zuboff is analyzed and two features of "supervisory capitalism" are distinguished: profit extraction and forecasting of user behavior. In conclusion, having considered the main models of social surveillance, the author highlights the features of social control in a digital society. Social control becomes more subtle, latent, total and indifferent towards a person. The superpanopticon is developing as a social model associated with universal observation based on big data.

Keywords: big data, social control, supervisory capitalism, panopticon, instrumental power.

Received 07.06.2022

Platonova S.I., Doctor of Philosophy, Professor at Department of social and humanitarian disciplines
Izhevsk State Agricultural Academy
Studencheskaya st., 11, Izhevsk, Russia, 426069
E-mail: platon-s@bk.ru